

СОЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Л.Я. Рахманова

ВКЛЮЧЕНИЕ В ОСТРОВНОЕ СООБЩЕСТВО КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ЖИЗНЕННОГО МИРА

В статье выявлены три различные траектории адаптации и вхождения в островное сообщество на примере сообщества Соловецких островов, а также проанализированы факторы, влияющие на процесс включения человека в сообщество и трансформации его жизненного мира и идентичности.

Ключевые слова: Соловецкие острова, островное сообщество, жизненный мир, идентичность.

Введение

Соловецкие острова — архипелаг, расположенный в Белом море. В его состав входят 6 крупных островов — о-в Большой Соловецкий, о-ва Большая и Малая Муксалма, о-в Анзер, Большой и Малый Заяцкий остров. С XV в. на островах зародилась монашеская жизнь. Спустя 500 лет острова были заняты Соловецкими лагерями особого назначения. Во время Второй мировой войны и позднее на Большом Соловецком острове размещалась Школа юнг и Учебный отряд Северного флота. С 1967 г. на острове действует Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник. В 1990 г. было положено начало возрождению монашеской жизни Соловецкого монастыря. Таким образом, мы можем наблюдать, как противоречивые слои духовного и исторического наследия влияют на необычное сочетание различных видов деятельности современного населения поселка Соловецкий.

Мое определение соловецкого сообщества включает не только местных жителей, круглый год проживающих на Соловках и прописанных в пос. Соловецкий, но и тех, кто приезжает на острова на несколько месяцев и вносит значительный вклад в развитие предпринимательства, бизнеса, научной, реставрационной и исследовательской деятельности на Соловецких островах.

Основной целью исследования было проследить логику трансформации жизненного мира в зависимости от степени идентификации человека с соловецким сообществом. Логика трансформации подразумевает изменения в идентичности, выбор новых стратегий организации жизни, переоценку личных интеллектуальных, временных, материальных, социальных ресурсов.

Рахманова Лидия Яковлевна — аспирантка кафедры культурной антропологии и этнической социологии факультета социологии СПбГУ (muza-spb@yandex.ru)

Rakhmanova Lidia — PhD student, St. Petersburg University, Faculty of Sociology, Chair of Cultural Anthropology and Ethnic Studies (muza-spb@yandex.ru)

Проблематизация темы исследования происходила в постоянном живом контакте с представителями соловецкого сообщества. Эмпирический материал, лежащий в основе исследования жизненного мира соловчан, был получен в течение трех летних и одного зимнего сезонов полевых исследований в 2008—2011 гг. Работа в поле подразумевала включенное, в некоторых случаях — участвующее наблюдение (работа экскурсоводом, участие в службах, участие в культурных мероприятиях, концертах), а также — фото-, аудио- и видеофиксацию. В ходе последних двух сезонов были проведены биографические и полуструктурированные интервью, посвященные адаптации к островной жизни в условиях ограниченности материальных и социопсихологических ресурсов.

Включая в круг своих рассуждений категорию опыта, в том числе — опыта информанта, столь значимого в рамках социально-антропологического исследования, я столкнулась с вопросом о качестве рассматриваемой реальности. В социальных дисциплинах вопрос о причине различий в интерпретациях почти не касался вопроса о корреляции двух и более жизненных миров, в которых пребывают авторы сопоставляемых интерпретаций: «Корреляция между миром <...> и субъективными способами его данности никогда <...> не возбуждала философского удивления <...> Всегда оставалось само собой разумеющимся, что каждая вещь выглядит для каждого по-разному» (Гуссерль 2004: 222).

Антропологический ракурс рассмотрения концепта жизненного мира может привести нас к совершению значимого для качественных исследований методологического хода: «понятие жизненного мира противопоставляет соотношенность универсального горизонта с субъектом ложному самосознанию объективизма» (Прехтль 1999: 47). Два обвинения, которые могут быть выдвинуты в отношении научного понятия «жизненный мир» — это обвинение в не-объективности и обвинение в ненаучности. Здесь уместно будет привести мнение О.В. Первушиной, которая отмечает, что «понятие “жизненный мир” обладает кажущейся простотой, вызываемой комбинацией слов “жизнь” и “мир”, но вместе с тем обыденность звучания не только не помогает, но нередко мешает освоению его очень сложного и специального содержания» (Первушина 2009: 119).

Х.-Г. Гадамер также утверждает, что любой индивидуальный мир содержит в себе проекции других миров (См.: Гадамер 1988: 298). Таким образом, не отрицается существование некоего «общего мира», благодаря которому и возможна постоянная корректировка частных миров друг относительно друга; этот процесс и отвечает за устойчивость любого сообщества, о котором говорилось выше. Существует и несколько иная позиция, согласно которой жизненный мир — это не только индивидуальный повседневный опыт человека, но и то «общее» основание, на основе которого человек как «уникальное» явление вписывается в духовную общность, имеющую культурно-историческую особенность (Цит по: Белов 1996: 190).

Методическая проблема «прорыва» антрополога к реальности, данной местному сообществу как очевидность, привела нас к необходимости поставить в центр исследования вопрос о способах выявления и описания жизненного мира соловчан как такового.

**Разработка проблемы жизненного мира
в контексте полевого исследования на Соловках**

При формулировании теоретической гипотезы мы основывались на разработках Ульриха Клясгеса, который выявил две функции жизненного мира (согласно гуссерлианскому подходу) — диагностическую и терапевтическую. Первую из них можно еще обозначить как «функцию почвы» (Boden-Funktion, см. Claesges 1972). «С ее открытием Гуссерль указывает на угрозу со стороны объективизма базисному измерению человеческой жизни» (Савин 2006: 17). Однако в рамках данного исследования нам видится уместным проведение параллелей между особенностями трансформации жизненного мира при включении в соловецкое сообщество — и своего рода терапевтической функцией жизненного мира (или функции путеводной нити): «Терапевтическая функция теории жизненного мира состоит в том, что он является отправным пунктом для радикального самоосмысления, делающего возможной жизнь, исходящую из универсальной ответственности. В этой функции жизненный мир выступает как начало пути к трансцендентальной феноменологии, и поэтому ее можно обозначить как «функцию путеводной нити» (Leitfaden-Funktion)» (Там же). Именно в этом ключе происходит кристаллизация самой проблемы жизненного мира — если смотреть на нее не только и не столько глазами исследователя, сколько глазами соловчан.

В ходе подготовки программы эмпирического исследования на основе первоначального обследования территории и результатов наблюдения были выдвинуты две гипотезы:

1. Существует непосредственная связь между рефлексивной оценкой человеком самого себя, процессом самоидентификации в рамках сообщества и трансформацией жизненного мира, которая ведет к согласованию разорванных пластов: идей и планов самореализации, личных ценностей, социальной взаимообусловленности и индивидуального видения повседневности.

2. Категория жизненного мира может быть осмыслена человеком как имеющая прикладное значение в случае включения именно в то сообщество, в котором включенность в жизненный мир как таковой и способность осознавать его горизонты проистекает из особенностей жизни конкретного сообщества, в данном случае соловецкого.

Проблема рефлексии сообщества о самом себе заключается в сохранении со стороны социальных структур монополии на диапазон допустимых интерпретаций, в которых происходит движение человеческой мысли. С позиции исследователя, жизненный мир наличествует, по крайней мере, в качестве проблематизированного объекта исследования. Вопрос заключается в том, в каком виде предстает жизненный мир для члена изучаемого сообщества и является ли его наличие как таковое сомнительным. Отсюда вытекает также вопрос о том, насколько важно для человека осознавать границы своего универсума.

На многие из этих вопросов я постаралась найти ответы в процессе проведения интервью и неформальных бесед. Третий полевой сезон (лето 2010 г.) позволил собрать достаточно обширный материал: архив дневников по результатам включенного наблюдения, данные, полученные методом фотофиксации,

а также несколько глубинных полуструктурированных интервью. Учитывая специфику темы исследования, выборку следовало сделать по следующим параметрам: длительность пребывания на Соловках, сфера деятельности на Большой земле и на Соловках, уровень образования и возраст информанта.

За зимний сезон (март 2011 г.) мне удалось провести беседы и интервью с 13 информантами. В своем отборе эмпирического материала для последующего анализа я руководствовалась фактором полноты содержания и соответствия ответов информантов вопросам, намеченным в гайде для полуструктурированного интервью.

В ходе анализа интервью были выделены следующие категории или основные параметры анализа интервью:

- время, обстоятельства приезда и первое впечатление, причины повторных поездок;
- процесс адаптации на Соловках;
- первое занятие и текущая деятельность респондента на Соловках;
- процесс установления более прочной связи с соловецким сообществом;
- особенности общения и взаимоотношений людей на Соловках;
- жизненное планирование;
- социально-экономические и культурные особенности жизни на острове («феномен островного сознания»): территориальная оторванность от «Большой земли», замкнутость круга общения, специфика зимовки на Соловках, ритм жизни;
- сравнение городской и соловецкой жизни с позиции информанта.

Траектории попадания на Соловецкие острова

Первая исследовательская задача, сформулированная на основе летнего пилотажного исследования 2010 г., заключалась в том, чтобы выяснить, что привело человека на Соловки впервые, из какого источника информации он узнал об этом особом месте, что повлияло на решение поселиться на Соловецких островах, какую аргументацию респонденты приводят в своих ответах.

Основное различие, которое я провожу, разграничивая тем самым две генеральные совокупности жизненных сценариев, касается истории первого приезда на Соловецкие острова. Это была либо «осознанная подготовка» к приезду, либо — спонтанное «попадание» на Соловки. Пути информантов различны: экскурсионная поездка группы реставраторов в качестве благодарности за их волонтерский труд; паломничество; отдых по путевке в пансионате, располагавшемся в бывших скитах Соловецкого монастыря; наконец, появление на острове впервые в качестве будущего музейного экскурсовода с уже сформировавшимся корпусом знаний. Заметно и различие источников информации о Соловках: с одной стороны — знакомые, с другой — два типа организаций: реставрационная компания, привлекающая добровольный труд, и музей. Вот как описывают это информанты:

«На Соловки?... Да, это был приз, за ударный труд! ... Кто-то поехал в Архангельск, а кто-то поехал на Соловки. И потом мы просто поменялись» (Информант 1).

«Мне за несколько лет в храме наконец-то дали отпуск... [подруга] говорит: «Слушай, а давай на Соловки поедem!» Я говорю: «А что это такое, где это, как это?». Она говорит: «Ну, вот есть такое место, я ездила, мне понравилось». Моя подруга предложила — почему бы нет! Мы были такими... достаточно легкими на подъем, поэтому сразу же решили попробовать» (Информант 2).

«Это было, с одной стороны, казалось бы, абсолютно стандартно: какое-то объявление на набор экскурсоводов Соловецкого музея-заповедника. Потом начались лекции. И как-то вот началось погружение в Соловки» (Информант 3).

«Приехал сюда в первый раз в 1982 году, а переселились мы в 1990, приехал из Архангельска журналист. ... Чем мог ему — помог. И он говорит: “А Вы на Соловки не хотите?” Я говорю: “Хочу”. У него дядя работал в автокомбинате. Исаково — это была база отдыха автокомбината Архангельского. Ну и приехал по путевочке туда» (Информант 4).

Процесс включения в сообщество, перемены во внутреннем состоянии и мироощущении были описаны информантами в самых разнообразных выражениях, например: *«Когда я сюда уже переезжала жить, у меня было очень такое затаянное погружение» (Информант 5).*

В результате анализа интервью удалось обнаружить три основных сценария переезда на Соловки.

Первый вариант — это довольно долгий путь знакомства с Соловками, включающий первоначальную поездку, и затем — осознание значимости этого места в собственной духовной жизни: *«У меня была мысль о Соловках, о том, что мне надо обязательно туда будет вернуться, то есть это будет для такой спасительный... образ — что там я смогу обрести духовное спокойствие» (Информант 5).* Мысль о возвращении, неотступное желание изменить образ своей жизни, сделать решительный шаг — мотив рассказов многих соловчан о себе: *«Я приехала и поняла, что... уже сидя в Архангельске, на берегу Двины, я поняла, что сердце мое на Соловках осталось. И меня настолько тянуло на Соловки, что я поняла, что я хочу любую работу, только... хочу тут жить — и все» (Информант 6).*

Второй путь укоренения на Соловках более характерен для людей, проживающих на островах начиная с советского и перестроечного периода. Ю.М. Плюснин, проведший не один год полевых социологических исследований на побережье Белого моря, размышляет о роли советского послелагерного периода в деле сохранения духовного наследия Соловецких островов: *«Те люди, что составили частицы этой среды, положили усилия своей жизни в том числе и на сохранение наследия. Обычное для нашей позиции — позиции постороннего — осуждение их основано только на самом беглом взгляде, который успевает отметить, что рядом со святыней располагается что-то, что недостойно и оскверняет ее убожеством своего быта. Можем ли мы остановить свой беглый взгляд и посмотреть на простые проблемы — раньше говорили несчастья — простых людей?» (Плюснин 2003: 103).*

Наконец, переезд на Соловки мог быть связан и с созданием семьи: *«Он просто не городской! Как его жена будущая, и как человек, которая его полюбила, я это почувствовала... просто я знаю, что ему надо жить здесь» (Информант 7).*

Отметим, что перечисленные жизненные сценарии оказались возможны как для женщин, так и для мужчин.

Несмотря на то, что многие представители поколения 1950-х гг. не придавали особого значения своему прибытию на Соловецкие острова и не считали его судьбоносным (для них это было новое место жительства и работы), впоследствии они уже не представляли своей жизни вне острова: *«Три года я не была, но у меня душа была здесь. ... Ну, и жить там невозможно. ... Я стала говорить: “Сынок, увези меня обратно, где ты меня взял. Увези меня туда. Я провела там все свои молодые годы и оставшуюся мою жизнь я должна провести там. На Святой земле”»* (Информант 8).

Поразительно, но Соловки предоставляют возможность «двойного бегства»: от городских реалий и от своей постоянной профессии. Есть и другие причины вернуться на острова — когда *«некуда ехать, кроме...»* или когда возникает осознание: *«куда ты едешь? там то же самое»*. Кроме того, в интервью прослеживается лейтмотив перемен в жизни, связанных с переселением на острова: *«Если бы не осталась, я бы попала в эту клоаку, снова бы завязалась эта самая жизнь, какая была»* (Информант 2). Отсутствие реального дома или того места, куда действительно имеет смысл вернуться, а также отсутствие перспектив развития при сохранении прежнего образа жизни — вот те причины, по которым человек может принять решение окончательно переехать на Соловки. В мои задачи входило максимально широко изучить все разнообразие жизненных сценариев и выделить различные пути включения в соловецкое сообщество, которое оказывает существенное влияние на трансформацию жизненного мира человека.

Формирование идентичности и жизненный мир соловчан: быт и труд

По словам одного из респондентов, *«здесь очень факторов много, без которых в городе не обойтись; а здесь — можно обойтись»* (Информант 9). На основе проведенных интервью удалось обобщить эти факторы следующим образом:

- компактность заселения людьми поселка — нет жизненно важных объектов, которые были бы труднодоступны или удалены от центра;
- разнообразные досуговые практики и близость к природе;
- сравнительно невысокие цены на аренду жилья в зимний период;
- отсутствие необходимости заводить дачу и жить сезонно и «на два дома»;
- невысокая степень технической оснащенности;
- невысокий уровень преступности;
- наличие школы, воскресной школы, музыкальной школы, детского сада и других образовательных учреждений;
- хорошая экологическая обстановка.

Однако помимо вышеперечисленных достоинств информанты указывают и на недостатки островной жизни. В частности, в беседах упоминались некоторые сложности в социально-бытовой сфере, а именно отсутствие:

- своевременного качественного медицинского обслуживания пожилых людей и детей;
- санитарно-удовлетворительного состояния жилых помещений;

— материалов, инструмента, рабочих рук для проведения ремонтных работ по частной инициативе;

— регулярных поставок продуктов;

— разнообразия культурной жизни.

Когда на Соловецких островах работал агаровый завод, частично перерабатывавший сырье на месте, рабочих мест было гораздо больше. Однако после закрытия производства многим пришлось искать низкоквалифицированную работу. Система жизнеобеспечения постоянно менялась: *«В 90-е годы мы жили без денег. Нам давали продукты. Давали мешками муку, сами пекли хлеб, картошку сами выращивали»* (Информант 10).

В послевоенный период Соловки были совершенно особой зоной. На основе обзора некоторых биографических интервью, которые являются своеобразной «устной историей» островов, мне удалось выявить особенности образа жизни соловчан в 1950–1980 гг. После войны *«военных было очень много. Жить было легко и хорошо»*, — рассказывает женщина, приехавшая работать на Соловки еще в 1939 г., когда ей было 18 лет. Она же утверждает, что на острове царил удивительный порядок: *«Какая чистота была, дороги ведь были все как карточки, иди куда хочешь, езжай куда хочешь»*, а также вспоминает о хорошем наборе продуктового довольствия: *«Продукты всякие — завались, всё дёшево. Ешь, что твоя душа желает. А в столовую забежишь, всяк не хочется дома ничего варить. ... Кушайте, кушайте»*. Кроме того, *«земли удобренные были», «скота много», «молока, сметаны, творогу — завались»* (Информант 10)

Сравнивая профессиональные характеристики уроженцев Соловков и людей, сознательно выбравших острова на долгие годы своим домом, можно обнаружить следующую тенденцию: часть «коренных» соловчан не имеет высшего образования. Многие из них часто меняли работу в течение жизни, переходя с одной низкоквалифицированной позиции на другую. Приезжие могут либо работать на Соловках по контракту, либо предлагать свои услуги в качестве автономного специалиста.

На сегодняшний день Соловки — это, кроме всего прочего, — место экспериментов, в том числе экспериментов профессиональных. Человек, приезжающий на острова, попадает в особую островную систему жизнеобеспечения. Достаточно некоего пробного жизненного опыта, пусть непоследовательного, который позволяет очертить границы своего жизненного мира и даже изменить их. Анализ и прогнозирование развития личностной судьбы позволяет человеку делать определенные шаги, предотвращающие негативные изменения, которые могут наступить независимо от его желания, и в этом случае он рискует быть застигнутым врасплох. Для тех, кто приезжает работать, безвозмездно трудиться или отдыхать, не связывая свое пребывание на островах с монастырем как организацией, профессия на Соловках — это часть идентичности.

В чем заключается взаимосвязь жизненного мира и процесса самоидентификации? Для того чтобы осознать, что Я-сам не потеряю себя, если откажусь от чего-то или не осуществлю чужие ожидания, я должен попасть или намеренно поставить себя в такую ситуацию, где необходимость одного перестает быть очевидной, а необходимость другого выходит на передний план. Мы работаем

над собой и своей жизненной перспективой на уровне, отличном от уровня самоконституирования жизненного мира. Мы, скорее, работаем не над его преобразованием, а «сообща» с ним: «Вероятно, отношения диалога могли быть тем механизмом, который запустил развертывание человеческой субъективности, результатом чего явилась способность человеческого сознания создавать и конструировать многоликие образы многоликого жизненного мира» (Первушина 2009: 121).

Иные сценарии имеют место при наличии у человека альтернативы, которая удерживает его от окончательного погружения в жизненный мир Соловков, в отличие от тех, кому ехать (или возвращаться) некуда. Например, одна женщина полагает, что чтобы быть полезной на Соловках, нужно *«покинуть остров, чтобы восстановить свои силы и вновь вернуться»* (Информант 1). Другая девушка упоминает о родных и семье, которых она заставляет волноваться каждый раз, когда уезжает для работы экскурсоводом на Соловки (Информант 3), и потому даже не думает о возможности переехать на остров на постоянное место жительства. Проанализировав интервью, я пришла, к казалась бы, парадоксальному выводу: есть люди, более склонные к рефлексии, утверждавшие, что пребывание на Соловецких островах оказало глубокое влияние на их мировоззрение. Однако они не спешат стать полноправными членами соловецкого общества. В результате сопротивления человека жизненному миру и влияния последнего на человека происходит трансформация ценностей и убеждений, и, как следствие, изменяются интересы, возникает потребность в смене поля деятельности, поля общения.

Однако осуществить переключение с одного жизненного проекта (в основе которого лежат акты целеполагания) на другой не так-то просто. Наш жизненный мир охотно реагирует на поступательное движение, на освоение нового опыта творческой, мыслительной и любой другой деятельности. Но поскольку это происходит не путем суммирования, то каждый отдельный элемент, встроенный в сложную систему взаимосвязей, не так просто вырвать из контекста. Этот страх потерять другие существенные части себя самого приводит к тому, что мы не можем до конца продуманно конструировать собственный жизненный мир. Об этом очень верно говорит один из информантов: *«Что означает мое место и вообще, на самом деле, что важнее — духовный комфорт или духовная борьба?»* (Информант 1).

Сопоставляя другие ответы информантов, мы обнаруживаем, что и само понятие «трансформация» не всегда воспринимается как «преображение» в положительном смысле: *«...Славненько так значит, любясь природой пребывать в таком спокойном состоянии. ...Такое на Соловках бывает крайне редко — у меня лично! ...Здесь постоянно происходят какие-то всевозможные процессы в организме... вернее, в душе»* (Информант 1).

Значимое, с нашей точки зрения, свойство жизненного мира заключается в том, что мы не выбираем его и характер его воздействия на нас. Однако он всегда является одновременно и завершенным, находящимся в рабочем состоянии, и, при этом — незавершенным: он постоянно дополняется нами помимо нашего желания.

Соловецкая жизнь, соловецкий жизненный мир постоянно связан с установлением индивидуальной жизненной меры и нормы. Умением здесь можно считать не только жизнь на пределе, но и нахождение своей золотой середины. Что дает в итоге сосуществование здесь двух альтернативных миров? Для приезжих витриной является монастырь, жития, подвиги, святость. Но при этом они любят этим, а сами во время поездки живут в пограничном состоянии: и не по монастырскому уставу, и не по образу жизни жителей поселка. Притягательность Соловецкого архипелага, таким образом, состоит в том, что поверхностное соприкосновение с ситуацией на Соловках позволяет людям выносить некие суждения (и вводить их в дискурс СМИ), однако эти суждения не пропитаны трудностями и лишениями, которые можно познать, прожив здесь значительный срок.

Структура соловецкого сообщества: режим общения и степень открытости

В среде соловчан существуют представления о должном порядке поддержания отношений, степени допустимой близости и открытости бесед. Выявляя эти особенности, можно обнаружить скрытую структуру соловецкого сообщества. Информантами были высказаны разнообразные мнения об особенностях общения между старожилами и приезжими:

«Я человек такой не очень сильно общительный. ... Я вот, например, здесь ни разу не была — ни в кафе, ни на дискотеке ни разу не была, не люблю шум вообще. Ни на мероприятиях ни на каких, ни на концерте... На ярмарке я один раз была, но мне не понравилось. Я не люблю когда много народу» (Информант 7).

«Меня сразу же предупредили, что это замкнутое пространство, и очень аккуратно нужно строить с людьми отношения. И так сложилось, что у меня к настоящему моменту таких близких друзей, фактически, не появилось» (Информант 5).

«Другие нам все завидуют — что мы сволочи... мы — сволочи, потому что мы все стараемся хорошо жить. Мы сволочи, несмотря на то, что после нас все лучше стало» (Информант 7).

«Тут вообще очень странные люди, люди нерадостные, люди не открытые, не хотят ничего разглашать» (Информант 7).

В то же время можно услышать немало отзывов о том, как на Соловках зародилась дружба, продолжившаяся уже на материке:

«Если встречаешься с человеком, то, если это твой человек, то, в отличие от Большой земли, тут у тебя происходит какой-то контакт с этим человеком сразу, без всяких протоколов, без всяких подъездов. То есть сразу начинается взаимодействие на уровне... по сути, по существу; обмен энергиями на нужном уровне происходит» (Информант 5).

«За эти два года общения он [круг общения — прим. авт.] очень расширился и продолжает расширяться. Потому что... через знакомых знаколюсь со знакомыми...» (Информант 7).

Анализируя модели поведения людей при попадании в соловецкое сообщество, я зафиксировала множество микрогрупп, каждая из которых имеет свой регламент общения. К схожим выводам пришел исследователь-социолог, про-

водивший исследования на острове в 1990-х гг.: «по социально-профессиональным, общекультурным, историческим характеристикам население Соловков составляет ряд слоев, разобщенных слишком сильно, чтобы составлять общину. Но это население слишком малочисленно, чтобы представители разных слоев не находились в повседневном общении друг с другом. И такая противоестественность взаимодействий этих людей образует характерный штрих повседневной жизни поселка. Здесь нет общины в действительном смысле слова. Здесь соединение элементов (как определила Соловки местный журналист и редактор А.В. Мельник: «свалка человеческого материала»)» (Плюснин 2003: 106–107).

Остаться на одном месте и менять взгляд на жизнь и отношения, или же менять место при недовольстве окружающей социальной средой? *«В любом городе, любом новом месте — ты можешь начать жизнь заново, во “внекастовом” обществе, где никто не судит тебя по твоему происхождению, социальному положению и уровню заработка твоих родителей. Добиться большего — в твоих руках»* (Информант 7).

Говоря о жизненном мире, информанты выделяли значимые черты своего характера, с которыми им пришлось столкнуться при попадании в сообщество:

«Я вот здесь стала замыкаться и понимать, что я от этого получаю удовольствие. Я начала понимать, что это я и есть, я — в себе»; «Я вообще очень большой трус. Я трус. Я только с мужем куда-то выезжаю. А сама я далеко от поселка вообще боюсь ходить» (Информант 7).

«Я не люблю сидеть на месте, люблю вообще путешествовать, и мне периодически нужно выезжать. Либо — по острову мне надо путешествовать, либо выезжать в принципе»; «Я такой человек — я все решаю по ходу дела; живу сейчас; живу сегодня»; «Я не могу абсолютно сидеть дома, не люблю четыре стены»; «Нет, дело не то чтобы в каких-то субъективных оценках, а именно — объективно что-то произошло, произошел какой-то расцвет. Мне всегда казалось, что здесь, на Соловках, я на своем месте» (Информант 5).

«Я давно заметила, что здесь живут в основном: водолеи, близнецы и стрельцы — это стихия воздух, и стихия воды: это скорпионы, раки и рыбы. Вода и воздух. И, понимаете, — Свобода и Независимость! Это главные принципы. А в городе постоянно суета какая-то! Ты даже не успеваешь сосредоточиться» (Информант 6).

В результате анализа интервью я обнаружила следующие свойства личности и характера соловчан, оказавшиеся значимыми в сообществе:

- склонность к замкнутости / открытости;
- спонтанность / постепенность принятия решений;
- умение проявлять инициативу и справляться с трудностями;
- степень рефлексивности оценки информантом собственных решений и жизненных контекстов, в которые он попадает.

Поскольку инстанция жизненного мира гораздо сложнее структур нашего повседневного опыта, памяти, суммы впечатлений, полученных в результате восприятия мира, она проявляется в нас (в том числе) в качестве избирательной способности, фильтрующей и увязывающей между собой опыт, который до

того был структурирован совершенно иначе. Характерная черта жизненного мира — это его способность захватывать наше внимание и ход размышлений иным способом, нежели это делает окружающий нас мир. С понятием направленного внимания связано также и понятие интенциональности: «Жизненный мир и есть та сознаваемая реальность, на которую интенционально направлено сознание» (Власова 2005: 138). Если рефлексия направленно преобразует вещи, то жизненный мир выстраивает в нас новый принцип со-полагания преобразованных сознанием вещей: «И вот возникает идея таких актов, таких состояний человека, которые являются собиранием себя в точке, целиком, когда ты уже не зависишь от того, как что-то сцепится, — ты собрался. Это собранное и называется “полнотой бытия”» (Мамардашвили 1996). Жизненный мир как «полнота бытия» и ощущение реальности проявляется совершенно отчетливо в определенных репликах и суждениях информантов:

«Здесь между тобой и реальностью нет никакого буфера, нет никакой... зоны, которая, допустим, есть на Большой земле. Тут у тебя реальность — она прямо к коже твоей близко»; «Это такое какое-то место, где нет... где все очень собранно, сосредоточено. ... Нет вот этой пелены. Поэтому ты тут прямо... все эмоции тут ярче, все — ярче. Мы отстранены от реальности, — это когда нет такого полного осознания... Трезвения» (Информант 5).

«...Я смотрю на эти стены, и понимаю, что все то, о чем я так долго читала, что я знаю (некоторое) вплоть до мельчайших деталей. И вот — оно вживую, оно воплощено! И эта крепость, и эти камни, и оно живое, и оно — такое далекое и такое близкое. И вот этот восторг... Такое бывает, когда ты к чему-то очень тщательно и долго готовишься, и потом ты вдруг именно осознаешь реальность...» (Информант 3).

«Я просто вижу, что все мои идеи — сбываются, но просто на это нужно время, силы и нужно не отказываться от своей цели» (Информант 6).

«Я вообще здесь родилась, так я вообще считаю, что я только в раю живу! У нас настолько чистый воздух... Такая благодать, потому что, понимаете — небо, земля, вода и лес. Если в душе человек доброту содержит, они к нему притягиваются и он к ним притягивается. И внутренний голос вам подсказывает...» (Информант 8).

«Если говорить вообще самое-самое первое, то наверное — воздух, который с корабля почувствовали — ... этот воздух острова; дышалось свободнее; чувствую себя как дома» (Информант 4).

«Тут у меня вообще — вдохновение такое на все. ... Тут — непаханное поле, тут — белый лист, тут — твори, что хочешь. Нет того, что есть в городе. И ты можешь сам быть этим производителем» (Информант 6).

Необходимо прокомментировать последнее высказывание с точки зрения проблемы взаимодействия субъекта и жизненного мира и преобразующего воздействия человека на реальность, данную ему. Соловки как место пространственного сжатия социальных структур действительно дают простор для творчества, новаторских идей, риска.

Если учесть такое важное свойство жизненного мира, как способность к увязыванию, усложнению структур опыта, то едва ли можно сказать, что

адаптивный эффект жизненного мира заключается в упрощении нашего ориентирования в окружающей действительности. Скорее, через установление новых, неочевидных индивидуализированных связей, жизненный мир становится для человека источником осмысленности мироустройства (помимо того смысла, которым наделен сам мир вне нас).

Исходя из вышесказанного, стоит указать на существенное отличие жизненного мира от социального капитала, собственных ресурсов индивида, системы значимых ценностей. Мы можем порвать с имеющимся капиталом, кругом общения, источниками информации, даже с собственными принципами и ценностями. Но мы не можем порвать связи образованного нами и через нас жизненного мира, как не можем порвать со смыслом как таковым, пронизывающим наше единичное существование.

Особенность Соловецкого архипелага, даже рассмотренного просто как территория, на которой разворачиваются различные социальные и исторические процессы, заключается в том, что физическое и символическое пространство, а также пласты смыслов, содержащиеся в них, накладываются друг на друга — вплоть до полного совпадения. Это создает определенные трудности для проникновения в любую малую группу на Соловецких островах. Чтобы быть хорошим собеседником, ты должен изучить предварительно огромный объем материала — об истории монастыря, традициях севернорусского мореплавания, хозяйствовании и промыслах на Белом море, соприкоснуться с историей Соловецких лагерей особого назначения (СЛОН) и многое другое. Однако общаясь с потенциальными информантами, ты понимаешь, что ты тем сильнее лишаешь себя доверия местных жителей, чем более обнаруживаешь свою осведомленность. Оказывается, что местные жители, живущие большую часть года на острове, в поселке Соловецкий, находятся во временной и исторической лакуне. Современное соловецкое сообщество представлено практически одним-двумя поколениями. Еще живы те люди, которые переселились на остров до Великой Отечественной войны. Поскольку перемены, происходившие здесь, носили целевой характер, население формировалось не согласно логике рода и его поколений, а согласно функциональной и профессиональной нише, которую здесь занимали завербованные на материке переселенцы.

Здесь заложены причины социальной апатии, характерной для пожилой части населения: она основана, кроме всего прочего, на узости возможностей для прямого участия в процессе общественных трансформаций на Соловках, для выражения собственного мнения. Это, в свою очередь, проявляется в различных формах «безразличия». Безразличие как осознание приближения смерти, как уклонение от участия в общественной жизни, как смирение верующего человека. И, тем не менее, безразличие — это тоже результат выбора собственной позиции. Просто люди избирают не действие, а уклонение от действия.

Последний феномен, с которым мы столкнулись в интервью, носивших наиболее доверительный и непредсказуемый характер, это ощущение жизни на Соловках как некоего «здесь-и-сейчас». Этому состоянию присущи следующие черты:

Концентрация как путь к «чувству жизни»: *«Когда ты живешь, ты как бы размазываешь свои желания по длине всей своей жизни. А тут раз — и все сжимается. И ты начинаешь остро это ощущать. Концентрируешься на главном. И поэтому я не утрачиваю чувство жизни, а я радуюсь, что я живу, хотя малый срок так, как я хотела»* (Информант 7).

Обретение нового жизненного мира обозначается метафорой пути, узора, определенного рисунка: *«Когда я сюда переехала, через какое-то время, я просто увидела, что вот вся моя жизнь предыдущая — она как паззлы сложилась, и меня просто привело сюда»* (Информант 6).

Особое восприятие времени: *«Начинаешь по-другому время жизненное воспринимать. То есть здесь время течет не быстро, не медленно, а именно так, как нужно. Ты понимаешь, что ты прожил день. Он у тебя не пролетел, не протянулся, он прошел так, как должен пройти. Год тут идет так... как должен идти год. Чувствуешь, что время-то движется более... не размеренно, а более осознанно»*.

Заключение. Типы трансформаций жизненного мира

На основе анализа данных, полученных в результате полевой работы в 2008–2011 гг. на Соловецких островах, мы попытались выявить типы и особенности процесса трансформации жизненного мира.

Первый сценарий можно обозначить в терминах самих информантов как «коренной перелом», «преображение», «культурную революцию» и даже — «откровение». В нем выделяются две принципиально разные линии:

- 1) принятие безальтернативного решения о переселении на Соловки, когда выбор совершается практически с необходимостью;
- 2) наличие в жизни альтернативы, которая удерживает человека от окончательного погружения в жизненный мир Соловков.

Из вышеприведенных случаев первый тип трансформации можно обозначить как «почвенный», а второй — как «идеологический» или «мировоззренческий».

Второй сценарий трансформации связан с личным вызовом повседневным реалиям. Главным мотивом здесь является испытание, предваряющее намеренную трансформацию жизненного мира. Этот процесс делает идентичность более устойчивой и позволяет совершить человеку акт внутреннего самообоснования.

Первый вариант сценария развивается в направлении поиска «духовного комфорта и гармонии», не социальной, а «антропологической» меры действий. Второй вариант, напротив, направлен на поиск и создание в собственном жизненном окружении «духовных испытаний» и борьбы.

Третий сценарий — пассивная реинтерпретация давно совершившегося факта — переезда на Соловецкие острова еще в советский период. Это относится преимущественно к тем, кто попал сюда по распределению, а не по личной склонности и выбору судьбы, или же родился здесь.

Характерными чертами любого сценария являются:

— склонность к отказу от использования всего разнообразия возможностей, чтобы не зависеть от сбоев и затруднений с доступом к важным жизненным ресурсам;

— проблема самопричинения и свободы в антропологическом ключе: «Существование выступает как состояние и как акт, как процесс и как действие — самопричинение, как восстановление и сохранение себя в статусе существования» (Рубинштейн 1973: 302);

— проблема существования выбора;

— стремление построить последовательную, индивидуальную и непрерывную «линию» поведения;

— индивидуальный подход к проблеме «соответствия» соловецкой действительности и монашеской проповеди.

К сожалению, в данной работе нет возможности представить читателю все богатство социально-антропологического материала, собранного в рамках исследования соловецкого сообщества: корпус интервью гораздо более обширен, чем тот, который был отобран для анализа в рамках темы, посвященной трансформации жизненного мира. Кроме того, возможны и другие исследовательские проекты: либо выбор более узкой темы исследования (выше мы указали на актуальную проблему женской адаптации и жизненного самообеспечения в условиях закрытого островного сообщества), либо — исследование с привлечением нескольких специалистов в различных областях социологии, антропологии, а также других смежных гуманитарных дисциплин.

Литература

Белов В.Н. Обыденное сознание и человеческое бытие. Саратов: Изд-во СГУ, 1996. 185 с.

Власова Т.А. Аскетический опыт в жизненном мире человека // Вестник Удмуртского университета. 2005, 2, с. 137—152.

Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики: пер. с нем. / Общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.

Гуссерль Э. Избранные работы / сост. В.А. Куренной. М.: Территория будущего, 2005. 458 с.

Мамардашвили М.К. Полнота бытия и собранный субъект / Необходимость себя: Введ. в философию, докл., ст., филос. заметки. М.: Лабиринт, 1996.

Первушина О.В. «Культурная картина мира» и «жизненный мир» в феноменологии Э. Гуссерля // Мир науки, культуры, образования, 2009, 2, с. 118—122.

Плюснин Ю.М. Поморы. Население побережий Белого моря в годы кризиса, 1995—2001. Новосибирск: Изд-во Новосибирского государственного университета, 2003. 143 с.

Прехтель П. Введение в феноменологию Гуссерля. Томск: Водолей, 1999. [<http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000072/st002.shtml>] дата доступа: 04.03.2014

Рубинштейн С.Л. Человек и мир // Проблемы общей психологии. М., 1973, с. 118—276.

Савин А.Э. Концепция историчности жизненного мира в трансцендентальной феноменологии Эдмунда Гуссерля // Вопросы философии, 2008, 5, с. 127—139.

Claesges U. Zweideutigkeiten in Husserls Lebenswelt-Begriff, in: *Perspektiven transzendental-phaenomenologischer Forschung*, hrsg. von U. Claesges und K. Held. Haag: Martinus Nijhoff, 1972, S. 85—101.

Список информантов

Информант 1: женщина средних лет; сотрудник морского музея; москвичка; приезжает на Соловки в основном в летний период.

Информант 2: прихожанка Соловецкого монастыря; москвичка; несколько лет работает на различных послушаниях в монастыре как летом, так и зимой.

Информант 3: экскурсовод Соловецкого музея-заповедника в летний период, уроженка Архангельска, окончила САФУ, историк.

Информант 4: пенсионер; постоянно живет на острове последние 20 лет; сотрудник морского музея, краевед.

Информант 5: молодая женщина, прихожанка храма Соловецкого монастыря; ранее — сотрудник Соловецкого музея-заповедника; имеет юридическое образование.

Информант 6: молодая учительница; родилась в Архангельске, сразу после окончания САФУ устроилась работать в соловецкую среднюю школу; филолог.

Информант 7: молодая замужняя женщина; домохозяйка; родилась в деревне Архангельской области; приехала на Соловки вслед за мужем.

Информант 8: пенсионерка, большую часть жизни прожила на Соловках; здесь вышла замуж за военного, который, выйдя в отставку, поселился на острове; работала в соловецкой средней школе.

Информант 9: женщина средних лет; переехала с мужем и детьми на остров более 10 лет назад; провизор в аптеке.

Информант 10: пенсионерка, старожил Соловков, работала в коровнике, на покосах, в сфере обеспечения военных в советские годы; вырастила на островах троих детей.